

В СТАРОМ АРБАТСКОМ ПЕРЕУЛКЕ

1

Я, как и некоторые другие артисты Малого театра, часто бывал у Луначарских. Отчасти и потому, что жена Анатолия Васильевича, прелестная женщина, Наталья Александровна Розенель была нашим товарищем, актрисой Малого театра.

Жили Луначарские на Арбате, в Дежневом переулке (теперь это улица Веснина), на верхнем этаже дома. Здесь собирались десятки самых различных, но всегда очень интересных наркомов людей: писателей, артистов, поэтов, художников, кинематографистов, военачальников, дипломатов.

В ту новогоднюю ночь гостей было немного: несколько актеров Малого театра, в их числе и автор этих строк, которых пригласила Наталья Александровна, друг Анатолия Васильевича Семен Михайлович Буденный, кто-то из художников.

Горели тоненькие свечи на небольшой, чисто символической елочке, иногда потрескивая и разбрасывая крошечные искры, лучились красивые, удлинённые глаза хозяйки дома (кста-

2

ти, я долгое время не мог понять, какого они цвета: иногда серо-зеленые, задумчивые, иной раз отливающие чистой синевой, а порой такие темные, что их можно было принять и за черные).

Приближалось двенадцать. Все подняли головы к черной тарелке репродуктора, откуда раздались первые удары Кремлевских курантов на Спасской башне. Они падали в черноту московской ночи торжественно и прекрасно.

После добрых тостов и пожеланий у всех было ощущение душевной размягченности, когда тянет говорить друг с другом доверительно и искренне, слушать хорошие задушевные песни.

Должно быть, Анатолий Васильевич угадал общее настроение или сам чувствовал себя так же, только он обратился к Семену Михайловичу Буденному:

— А ну-ка, братан, сыграй что-нибудь, что тебе по душе! (Между прочим, Луначарский всегда называл Буденного не иначе, как братан).

3

Семен Михайлович, никогда не расстававшийся в застолье со своим баяном, мягко растянул меха, склонил голову, чуть не касаясь их своим пушистым черным усом, словно задумался, и вдруг легко, плавно и звонко заиграл, точно позвал, повел куда-то всех нас за собой. А потом негромко запел одну из своих любимых песен.

Несколько минут все слушали молча. Потом губы Луначарского мягко тронулись, зашевелились, сначала беззвучно, и вот уже он поет вместе с Буденным, зажмурив свои добрые близорукие глаза за толстыми стеклами пенсне.

— Да, — сказал кто-то, когда замерла последняя нота, а баян Буденного вздохнул и умолк, — какая все-таки удивительная сила заключена в песне, в музыке.

— Почему же только в музыке? — живо откликнулся кто-то из художников. — Вообще в искусстве. Сила действительно колоссальная, непреодолимая. Возьмите, например, живопись.

4

Стоишь перед васнецовским омутом, и так тебя и тянет заглянуть туда, в это таинственное, гибельное нечто...

— А театр? — по молодости и скромности нерешительно сказал я.

— О, театр! — живо откликнулся Луначарский. — Это уже трибунал!

Разговорились о театре вообще, перешли на Малый, поскольку все мы были связаны с ним: именно у нас были поставлены пьесы Луначарского «Оливер Кромвель» (его роль блестяще сыграл А. И. Южин), «Медвежья свадьба» и другие.

Анатолий Васильевич вдруг несколько неожиданно для меня спросил, наклонив в мою сторону большой, открытый лысиной лоб:

— А как здоровье вашей матушки?

Выслушав ответ, Анатолий Васильевич заговорил о замечательном мастерстве Варвары Николаевны Рыжовой, перебрал несколько ее лучших ролей, тонко и метко выделяя то свое, личное, что вносила в исполнение мать. Конечно, больше всего говорили о пьесах А. Н. Островского, раскрыв-

5

ших невиданный простор для дарования Садовской, Никулиной, Рыжовой и других русских актрис.

Удивительная способность была у наркома: блестящий знаток литературы, он умел все и всех расставлять по их местам, безошибочно определять роль и место каждого писателя для времени, когда тот творил, для современности и — для вечности.

Заговорив об Островском, он быстро, убедительно доказал всем присутствующим достоинства драматургии человека, сумевшего создать не роль, не образы, а личности. Он говорил перед своими единомышленниками: мы все так же любили Островского, может быть, даже еще больше и беззаветнее, потому что каждый из нас, играя в пьесах русского драматурга, сам чувствовал себя его детищем. Но ни один из нас не мог бы сказать так, как говорил в ту ночь Луначарский.

Известно, что Анатолий Васильевич был замечательным оратором. Я слышал его и раньше, но то, что было сказано им в ту ночь об Островском, та

6

страсть, с которой он говорил, та удивительная образность и точность, неожиданность сопоставлений, легкость и изящество, которые отличали эту речь, покорили меня, всех присутствующих.

Да, Анатолий Васильевич Луначарский был к тому же прекрасным актером. Если я говорю, что не знаю, кто бы еще мог найти слова, так точно выражающие самую суть героев Островского, очень самобытных, национальных и вместе с тем увлекающих весь мир, то я должен признать, что не знаю и второго человека, который мог бы произнести эти слова так, как произнес их тогда нарком...

Анатолий Васильевич приоткрыл окно. В комнату с порывом ветра со снежинками ворвались звуки Кремлевских курантов, отбивающих три четверти.

В жизнь вступил первый час Нового года молодой Советской республики.

Н. РЫЖОВ,
народный артист СССР.

13 0 ДЕК 1982

ВЕЧЕРНЯЯ ПОЧТА
г. Москва